

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НЕЗАВИСИМЫЙ ЭКСПЕРТНО-ПРАВОВОЙ СОВЕТ»**

**НАУЧНО – КОНСУЛЬТАТИВНОЕ
ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

по отчету рабочей группы «Основные результаты независимого расследования обстоятельств гибели Сергея Магнитского и хищения 5,4 миллиардов рублей из российского бюджета» и материалам уголовного дела по обвинению Магнитского С.Л.

В подготовленном рабочей группой отчете изложены и подтверждены документально факты нарушений закона следователями, осуществлявшими уголовное преследование Сергея Магнитского, а также должностными лицами следственных изоляторов и изолятора временного содержания, в которых он находился под стражей, судебных органов, принимавших решения о содержании под стражей С. Л. Магнитского.

Можно согласиться с выводом рабочей группы, о том, что эти противоправные деяния способствовали обострению заболеваний и смерти С.Л. Магнитского.

Анализ представленного отчета и материалов уголовного дела (№ 153123) позволяет выявить следующие нарушения процессуального законодательства и международно-правовых стандартов уголовного судопроизводства, допущенные при расследовании дела С.Магнитского¹:

1. Нарушения, обусловленные заключением С.Л. Магнитского под стражу и продлением сроков его содержания под стражей.

Среди всех процессуальных нарушений, допущенных при производстве по делу С.Л.Магнитского, превалируют нарушения, обусловленные заключением его под стражу и продлениями сроков содержания под стражей.

1.1. Решение о заключении под стражу С.Магнитского не было основано на доказанных обстоятельствах, предусмотренных ст. 97 УПК РФ.

Согласно ч.1 ст. 97 УПК РФ заключение под стражу возможно только при наличии оснований, перечисленных в указанной норме закона. Как

¹ В данном заключении не затрагиваются аспекты нарушения права Магнитского С.Л. на оказание адекватной медицинской помощи и условия содержания в СИЗО, поскольку эти обстоятельства достаточно подробно раскрыты в отчете Рабочей группы.

подчеркивается, в ч.1 ст. 108 УПК РФ, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу «...в постановлении судьи должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение».

Европейский Суд многократно подчеркивал, что основания содержания под стражей лица должны быть конкретными, реальными обоснованными, то есть подтверждаться достоверными сведениями. В случае вынесения такого решения судьи должны указывать конкретные обстоятельства, составляющие эти основания, а также доказательства, подтверждающие наличие этих обстоятельств (Кляхин против России. Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 ноября 2004 г.).

В нарушение положений пункта «с» § 1 статьи 5 Европейской Конвенции, а также ч.1 ст. 108 УПК РФ, в постановлении судьи Тверского суда г. Москвы конкретные фактические обстоятельства, подтверждающие существование оснований заключения под стражу С.Магнитского, а также достоверные доказательства существования таких обстоятельств, приведены не были.

Из постановления судьи Тверского районного суда г. Москвы Подопригорова С.Г. от 26 ноября 2008 года следует, что основанием заключения под стражу С.Магнитского явились следующие обстоятельства:

- 1) обвинение в совершении умышленных тяжких преступлений;
- 2) «Магнитский С.Л. принимал меры по оказанию давления на свидетелей, пытался воспрепятствовать производству следственных действий»;
- 3) обвиняемый может скрыться от следствия и суда.

Однако приведенные судом обстоятельства не являются основаниями заключения под стражу, предусмотренными УПК РФ, по следующим причинам:

Во-первых, обвинение лица в тяжком преступлении, само по себе, не является основанием заключения под стражу и не может подтверждать намерение обвиняемого скрыться. Согласно ст. 99 УПК РФ данное обстоятельство должно приниматься во внимание судом лишь при наличии доказанного основания заключения под стражу, а не вместо него.

Такую же позицию занимает Европейский Суд по правам человека:

В решении от 30 ноября 2004 года по делу Кляхин против Российской Федерации суд напоминает «...что, несмотря на то, что серьезность возможного приговора играет значительную роль, тяжесть обвинения не может сама по себе служить оправданием длительных сроков предварительного заключения»(п.65).

В решении Европейского Суда от 24 июля 2003 г. по делу Смирнова против России подчеркивается, что «...опасность бегства не может подтверждаться только тяжестью возможного приговора».

Во-вторых, вывод суда о том, что «Магнитский С.Л. принимал меры по оказанию давления на свидетелей, пытался воспрепятствовать производству следственных действий» является неконкретным. На каких именно свидетелей попытался воздействовать обвиняемый, производству каких именно следственных действий он попытался помешать, в постановлении судьи не говорится ни слова. Очевидно, что данное обстоятельство не является «конкретным» (ч.1 ст.108 УПК РФ).

Кроме того, указанное неконкретное обстоятельство следствие обосновало документами, не имеющими никакого процессуального значения, не являющимися доказательствами и, более того, противоречащими конкретным доказательствам по уголовному делу.

Так, факт того, что обвиняемый пытался воспрепятствовать производству следственных действий, следствие обосновывает рапортом старшего оперуполномоченного А.А.Кречетова, из которого следует, что «... Магнитский С.Л. всячески препятствовал осуществлению обыска, пытался скрыть некоторые предметы и документы». Однако данное обстоятельство не может устанавливаться рапортом, а устанавливается только соответствующим протоколом следственного действия. Между тем, из протокола данного обыска следует, что никаких нарушений со стороны Магнитского С.Л. не было, и оперуполномоченный А.А.Кречетов подписал указанный протокол, не заявив никаких замечаний.

Столь же голословным является вывод суда о том, что обвиняемый может скрыться от следствия и суда. Это обстоятельство следствие также подтверждает не имеющими процессуального значения «оперативными данными», либо рапортами, составляемыми самими членами следственной группы. Так, в судебное заседание был представлен рапорт члена следственной группы Толчинского Д.М., который сообщил, что по «оперативной информации» Магнитский С.Л. намеревается воздействовать на свидетелей, заставляет давать их лживые показания.

Представление следствием этих материалов в суд является прямым нарушением ч.1 ст. 108 УПК РФ, согласно которой результаты ОРД, не соответствующие признакам доказательств, не могут использоваться для подтверждения оснований ареста. Рапорт оперативного сотрудника, в котором содержатся суждения без указания на источник осведомленности, не соответствует требованиям п.2 ч.2 ст.75 УПК РФ и не может вообще быть признан доказательством в уголовном судопроизводстве.

Недостоверность материалов, подтверждающих вывод суда о намерении Магнитского С.Л. скрыться, была очевидна уже в период указанных судебных заседаний.

Так, в обоснование заявленного ходатайства об избрании меры пресечения в отношении Магнитского С.Л. следователь Сильченко О.Ф. представил суду имеющиеся у него доказательства, что Магнитский С.Л. оформляется визой в Великобританию. При этом следователь сослался на

справку от 24 ноября 2008 года из Службы экономической безопасности ФСБ, в которой было указано, что Магнитский С.Л. имеет на руках заграничный паспорт и оформляется визу в Великобританию.

Однако следователь Сильченко О.Ф. не мог не знать, что заграничный паспорт Магнитского С.Л. был изъят во время обыска в его квартире 24 ноября 2008 г., о чем есть пометка в протоколе произведенного обыска. Стороной защиты был получен из Посольства Великобритании документ, из которого следовало, что Магнитский С.Л. не подавал документов на оформление визы в Великобританию.

Однако, несмотря на очевидную недостоверность сведений, представленных следствием, суд согласился с наличием указанного основания заключения Магнитского С.Л. под стражу.

Таким образом, Магнитский С.Л. был заключен под стражу без законных и достаточных оснований для применения этой меры пресечения.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда, не рассмотрев по существу ни один довод кассационной жалобы стороны защиты на это постановление, оставила его без изменения.

1.2. Рассматривая вопрос о заключении под стражу С.Л. Магнитского, суд не учел обстоятельства, свидетельствующие о возможности применения другой, более мягкой меры пресечения.

В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 22 от 29 октября 2009 года «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» подчеркивается, что заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть избрано лишь при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения.

В нарушение этого положения, в постановлении судьи о заключении под стражу Магнитского С.Л. вывод о невозможности применения иной меры пресечения вообще никак не мотивирован.

Между тем, о наличии таких возможностей неоднократно говорила сторона защиты в судебном заседании (о возможности применения залога).

На незаконность заключения Магнитского С.Л. под стражу указывает и игнорирование судом его состояния здоровья.

Тяжелые заболевания, которыми страдал Магнитский С.Л., не могли быть адекватно диагностированы в следственном изоляторе, где также отсутствовали средства лечения этих заболеваний.

Заявитель приводил доводы о незаконности своего заключения под стражу в судебном заседании и в кассационной жалобе на постановление судьи, но эти доводы были необоснованно оставлены без рассмотрения судом первой инстанции и Московским городским судом.

В решении по делу Худобин против России Европейский Суд пришел к выводу о нарушении ст. 5 Европейской Конвенции, поскольку « ...в судебных

решениях не было указано оснований для содержания Заявителя под стражей. Между тем, такие факторы как возраст Худобина, проблемы со здоровьем, отсутствие «уголовного прошлого», постоянное место проживания, стабильная семья давали все основания к тому, чтобы серьезно отнестись к ходатайствам об освобождении». Поскольку отсутствие в судебных решениях указаний на основания для продления ареста не было случайностью, а скорее было принятой практикой рассмотрения ходатайств об освобождении, Европейский Суд счел, что содержание заявителя под стражей было необоснованным и не соответствовало статье 5(3) Конвенции, которая предусматривает возможность освобождения до суда (*Khudobin v. Russia, 108*).

Очевидно, что указанная позиция Европейского Суда полностью применима к делу Магнитского С.Л.

Кроме того, содержание Магнитского С.Л. под стражей, с учетом его заболеваний, нарушало статью 3 Европейской Конвенции, поскольку представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.

Под бесчеловечным обращением Европейский Суд понимает обращение, причиняющее сильнейшие физические и моральные страдания.

Для того чтобы плохое обращение представляло собой нарушение статьи 3, оно должно достигнуть минимального уровня жестокости. Оценка этого минимального уровня зависит от всех обстоятельств дела, в частности от его продолжительности, его воздействия на физическое или психическое состояние и в некоторых случаях от пола, возраста и состояния здоровья жертвы такого обращения. (*Raninen, 55*).

В решении по делу Худобин против России Европейский Суд пришел к выводу о нарушении ст. 3 Европейской Конвенции, поскольку «заявитель был ВИЧ инфицированным, страдал от психиатрического расстройства, содержание под стражей только усиливало его страдания, а неоказание своевременной и квалифицированной помощи приводило к физическим страданиям наряду с сильным чувством незащищенности».

Очевидно, что эта позиция применима и к делу Магнитского С.Л., длительное время находившегося под стражей в сходных условиях, с серьезным заболеванием и невозможность получения адекватной медицинской помощи в условиях следственного изолятора.

Таким образом, указанными следственным органом и судами было нарушено право Магнитского С.Л., предусмотренное статьями 3 и 5 Европейской Конвенции.

1.3. Рассматривая вопрос о заключении под стражу Магнитского С.Л., суды не проверили «обоснованность обвинения», чем допустили нарушение положений пункта «с» § 1, § 4 статьи 5 Европейской Конвенции.

В представленном отчете Рабочей группы отмечается, что «...обвинение в отношении Магнитского было сфабриковано сотрудниками МВД и ФСБ РФ. Заявления о его причастности к неуплате налогов двумя компаниями его клиента в 2001 году не были основаны на фактических обстоятельствах, поскольку к указанным компаниям не было претензий со стороны налоговых органов, срок предъявления таких претензий истек еще в 2004 году, а к деятельности самих компаний и их налоговой отчетности в 2001 году Магнитский не имел отношения, и не был ни учредителем, ни директором, ни бухгалтером данных компаний. Таким образом, в нарушение положений Европейской конвенции о правах человека и несмотря на неоднократные жалобы защиты, суд выносил санкцию на арест и содержание под стражей Магнитского в отсутствие каких-либо фактических данных, которые бы обосновывали подозрение в совершении Магнитским каких-либо противоправных действий».

В судебных заседаниях при заключении С. Магнитского под стражу, и при продлении срока его содержания под стражей, его доводы о необоснованности выдвинутого против него обвинения **не проверялись**, суды не обязывали следователя представить соответствующие доказательства, не исследовали их в судебных заседаниях.

Этим бездействием указанные суды допустили нарушение ст. 108 УПК РФ. В пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 22 от 29 октября 2009 года «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста», говорится: «Для решения вопроса о возможности применения меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое уголовный закон предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, суду надлежит в каждом конкретном случае проверять обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. При этом следует иметь в виду, что обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных данных о том, что соответствующее лицо могло совершить это преступление, в том числе указанных в статье 91 УПК РФ».

Указанное бездействие российских судов также противоречит положениям пункта «с» § 1 статьи 5 Европейской Конвенции, который предусматривает:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения»

Европейский Суд многократно подчеркивал, что арестованный или задержанный имеет право на пересмотр в отношении процессуальных и материальных условий, которые существенны для «законности», с точки зрения Конвенции, лишения его свободы. (Brogan, §65; Nikolova, § 58; Assenov, § 162; Nleitbala, § 66; Trzaska, § 74) Это означает, что компетентный суд должен исследовать не только соответствие процессуальным требованиям, выраженным в (национальном законодательстве), но также разумность положенного в основание ареста подозрения и законность целей, преследуемых арестом (Brogan § 65; Chahal, § 127; Nikolova, § 58)

В решении по делу Николова против Болгарии Европейский Суд подчеркнул следующее: «<Суд>, рассматривавший жалобу апеллянта на заключение ее под стражу, следовал, наверное, существующей в то время практике Верховного Суда и поэтому ограничил рассмотрение дела проверкой того, обвинена ли апеллянт следователем и прокурором в «серьезном умышленном преступлении» и значении Уголовного кодекса, и не требует ли освобождения состояние ее здоровья.

Однако в своей жалобе <...> апеллянт выдвинула существенные аргументы, подвергающие сомнению прочность обвинений против нее и обоснованность ее задержания. Она сослалась на конкретные обстоятельства, а именно: что она не пыталась скрыться или воспрепятствовать следствию в течение нескольких месяцев с тех пор, как ей стало известно об уголовном преследовании против нее, что она имеет семью и устоявшийся образ жизни. Апеллянт также утверждала, что доказательства против нее слабые, так как обвинение основано только на акте ревизии. По ее мнению, ничто не подтверждает обвинение, будто именно она, а не кто-либо из других шести лиц, имеющих ключи от кассы, действительно растратила недостающие средства. В своем решении <...> <суд> не входил в рассмотрение какого-либо из этих доводов, видимо, посчитав их не относящимися к вопросу о законности заключения апеллянта под стражу.

Хотя § 4 ст. 5 Конвенции не обязывает судью, рассматривающего жалобу на задержание, принимать во внимание каждый довод, содержащийся в жалобе апеллянта, ее гарантии утратили бы свою сущность, если бы судья, полагаясь на внутренний закон и практику, мог игнорировать или рассматривать как не относящиеся к делу представленные задержанным конкретные факты, способные посеять сомнения в наличии условий, существенных для «законности» в значении Конвенции- лишения свободы. Доводы апеллянта в жалобе <...> содержали такие конкретные факты и не казались неправдоподобными или легковесными. Не приняв эти обстоятельства во внимание, региональный суд не обеспечил судебный надзор в том объеме и того характера, которые требуются § 4 ст. 5 Конвенции» (Nikolova, §61).

Таким образом, указанные суды, не проверившие в судебных заседаниях, доводы Магнитского о необоснованности сформулированного в

отношении него обвинения, допустили нарушение положений пункта «с» § 1, § 4 статьи 5 Европейской Конвенции, ст. 108 УПК РФ.

Это нарушение было допущено как судьями Тверского районного суда г. Москвы при заключении С.Магнитского под стражу и продлении сроков его содержания под стражей, так и судьями Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда, проверявшими указанные решения в кассационном порядке.

1.4. При продлении срока содержания под стражей Магнитского С.Л. суды нарушили положения п. «с» § 1 статьи 5 Европейской Конвенции.

При продлении сроков содержания под стражей Магнитскому С.Л. суды неоднократно ссылались на то, что первоначальные основания заключения Магнитского С.Л. под стражу не отпали. Никаких новых оснований для пролонгации применения указанной меры пресечения в постановлениях приведено не было.

Между тем, Европейский Суд по правам человека полагает, что положения п. «с» § 1 статьи 5 Европейской Конвенции предусматривают необходимость «обновления» оснований для содержания лица под стражей, тем более, если прошел значительный срок с момента применения этой меры пресечения.

В решениях Европейского Суда по ряду дел отмечалось: «Суд без труда понимает, что власти должны содержать подозреваемого в тюрьме, по крайней мере, в начале расследования, чтобы помешать ему создать помехи для этого расследования, особенно, когда речь идет (...) о сложном деле, требующем трудных и многочисленных исследований. Однако обязательных требований расследования не достаточно для оправдания заключения под стражу, когда расследование завершается: обычно, опасность уменьшается со временем, по мере того как расследование проведено, свидетельские показания записаны и проверки выполнены» (W. c. Suisse, 33,35; тот же принцип, Clooth, 43).

В решении по делу Худобин против России Европейский Суд пришел к выводу о нарушении ст. 5 Европейской Конвенции, поскольку «...в судебных решениях не было указано оснований для продления содержания под стражей...» (Khudobin v. Russia, 108).

Таким образом, указанные суды допустили нарушение приведенного международно-правового стандарта продления срока содержания под стражей обвиняемого.

2. Нарушения права Магнитского С.Л. на контакты с близкими родственниками.

Из представленных материалов видно, что органы предварительного следствия неоднократно отказывали в удовлетворении ходатайств,

содержащегося под стражей, Магнитского С.Л. о предоставлении свиданий с родственниками (членом семьи и иными родственниками), о разрешении телефонного разговора с сыном. Отказывая в удовлетворении указанных ходатайств, следователь Сильченко О.Ф. не приводил никаких оснований такого решения, ссылаясь лишь на нецелесообразность удовлетворения ходатайств Магнитского С.Л. При этом следователь указывал, что нормы УПК РФ и ФЗ от 15.07.1995 г. «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» «... не содержат перечня оснований, которым должен руководствоваться следователь, разрешая либо запрещая» контакты с родственниками обвиняемому, находящемуся под стражей.

Суды, в которые подавались жалобы на эти решения следователя, оставляли их без рассмотрения по причинам указанным ниже.

Таким образом, право Магнитского С.Л. на контакты с близкими родственниками оказалось необеспеченным и нарушенным.

3. Нарушения законности состава следственной группы при расследовании дела Магнитского С.Л.

В представленном отчете Рабочей группы отмечается: «Магнитский преследовался именно теми сотрудниками МВД (Кузнецов, Толчинский, Кречетов, Дроганов), против которых он выступил с обвинениями в совершении тяжкого коррупционного преступления. Несмотря на очевидный конфликт интересов, эти сотрудники МВД входили в состав следственной группы по делу против Магнитского».

Защитой Магнитского С.Л. подавалось заявление об отводе руководителя следственной группы Сильченко О.Ф., а также членов следственной группы: Дроганова А.О., Кречетова А.А. и Толчинского Д.М. В этом заявлении указывались конкретные обстоятельства, свидетельствующие о личной заинтересованности указанных сотрудников в исходе данного дела, что, согласно ч.2 ст. 61 УПК РФ, является основанием их отвода.

Однако это заявление было отклонено руководителем следственного органа. Жалобы на отказ в удовлетворении заявления об отводе были также отклонены судами.

4. Неэффективная проверка жалоб Магнитского С.Л. прокуратурой и судами.

Анализ представленных материалов уголовного дела свидетельствует, что одной из предпосылок гибели С.Л.Магнитского стала неэффективная проверка его жалоб, а также жалоб его защитников, как в судебном, так и во внесудебном порядке.

Так в ответ на содержательную жалобу защитника обвиняемого на 4 страницах, адресованную Генеральному прокурору РФ, в которой содержались конкретные факты нарушения прав Магнитского С.Л. при содержании в СИЗО (со ссылками на нарушение конкретных норм ФЗ от 15.07.1995 г. «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и Правил внутреннего распорядка СИЗО УИС) был получен текст, состоящий из нескольких предложений, что нормы закона (без указания, какие именно) не нарушены.

Большая часть доводов жалобы, в нарушение ст. 124 УПК РФ, была оставлена **без оценки**.

В связи с нарушениями права на защиту Магнитского С.Л., обусловленными внезапным переводом его из ИЗ- 77/5 в ИВС ГУВД по г. Москве, которые лишили обвиняемого возможности пользоваться выписками из дела при проведении следственных действий, защитой была подана соответствующая жалоба в Генеральную прокуратуру РФ.

В кратком ответе заместителя начальника управления по надзору за расследованием особо важных дел ГП РФ А.И. Печегина от 09.10.2009 г. вновь не была дана оценка большинству доводов жалобы.

Аналогичная судьба постигла иные жалобы защитников Магнитского С.Л., направленные начальнику Следственного комитета при МВД РФ, Генеральному прокурору РФ и в другие инстанции.

Столь же неэффективно жалобы защитников Магнитского С.Л. проверялись судами.

Большая часть указанных жалоб, направленных в суды, вообще **не была рассмотрена по существу!**

Так, отказывая постановлением от 12.10.2009 года в удовлетворении жалобы Магнитского С.Л. на незаконные действия следователя, немотивированно отказавшего обвиняемому в даче разрешения на свидание с родственниками и разрешения на платный телефонный звонок, судья Тверского районного суда г. Москвы Ухналева С.В. не стала рассматривать жалобу по существу. Основанием такого решения судьи послужил вывод о том, что «предметом обжалования могут являться решения, действия (бездействие) соответствующих должностных лиц, полномочия которых связаны с осуществлением преследования в досудебном производстве по уголовному делу», а указанные полномочия следователя (на дачу разрешения на свидание и звонок) не относятся к осуществлению уголовного преследования, т.е. не могут быть обжалованы в суд.

Такая позиция противоречит ч.1 статьи 125 УПК РФ, согласно которой в судебном порядке подлежат обжалованию решения и действия (бездействие) должностных лиц, принятые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, если они способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства или иных лиц, чьи права и законные интересы нарушены, либо могут затруднить доступ

граждан к правосудию. Никаких иных ограничений права на судебное обжалование УПК РФ не устанавливает.

Однако такая позиция полностью соответствует разъяснению, изложенному в п. 3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 10 февраля 2009 г. «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ», где говорится, что «... не подлежат обжалованию в порядке статьи 125 УПК РФ решения и действия (бездействие) должностных лиц, полномочия которых не связаны с осуществлением уголовного преследования в досудебном производстве по уголовному делу (например, прокурора, поддерживающего государственное обвинение в суде, начальника следственного изолятора)».

Таким образом, указанное разъяснение Верховного Суда РФ, противоречащее буквальному содержанию ст. 125 УПК РФ, послужило основанием для отказа в рассмотрении жалобы Магнитского С.Л.

Аналогичным образом не была рассмотрена по существу Тверским районным судом г. Москвы жалоба защитников Магнитского С.Л. на его перевод из следственного изолятора в изолятор временного содержания. По мнению суда, с которым согласился и Московский городской суд, само по себе «...ограничение прав и свобод обвиняемых, находящихся на законных основаниях под стражей» не может являться предметом судебного разбирательства в порядке ст. 125 УПК РФ.

Выводы:

1. Проведенное исследование материалов уголовного дела по обвинению Магнитского С.Л. свидетельствует о наличии системных недостатков действующего в РФ уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

Как показывает дело Магнитского С.Л., положения ч.1 ст. 108 УПК РФ о необходимости наличия ссылок на конкретные фактические обстоятельства в постановлении судьи о заключении обвиняемого под стражу, о запрете ссылаться на результаты ОРД, не соответствующие признакам доказательств, являются юридической фикцией и не применяются на практике.

Несмотря на наличие массива решений Европейского Суда по правам человека в отношении России, его позиции по стандартам заключения и содержания обвиняемых (подозреваемых) под стражей существенно не повлияли на практику правоприменения в РФ. Суды продолжают совершать те процессуальные нарушения, которые многократно приводили к признанию Европейским Судом нарушения статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Фактически, это свидетельствует о неисполнении Российской Федерацией указанных решений Европейского Суда, поскольку государством не принимаются «меры общего характера», направленные на устранения таких нарушений в дальнейшем.

Единственным выходом из сложившейся ситуации видится резкое законодательное сужение сферы применения меры пресечения в виде заключения под стражу и максимальную формализацию оснований ее избрания в уголовно-процессуальном законодательстве.

Кроме того, представляется необходимой закрепление международно-правовых стандартов заключения под стражу непосредственно в тексте УПК РФ.

2. Исследование дела Магнитского С.Л. свидетельствует о произошедшем ослаблении системы уголовно-процессуальных гарантий прав обвиняемого (подозреваемого), заключенного под стражу. Закрепление в УПК РФ ничем не ограниченных, по сути, дискреционных полномочий следователя по разрешению ходатайств о разрешении контактов заключенного под стражу с родственниками, позволяет следователю принимать произвольные решения, манипулировать своими полномочиями, заставляя обвиняемого давать нужные показания. Вряд ли все это соотносится с принципом законности уголовного судопроизводства, закрепленного в статье 7 УПК РФ, принципом уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), международными стандартами содержания под стражей.

Представляется, что полномочия следователя применительно к любым аспектам сферы содержания обвиняемого под стражей не должны быть дискреционными, их также необходимо строго формализовать. На решения следователя о предоставлении заключенному под стражу свидания с родственниками в полной мере должны распространяться положения ч.4 ст. 7 УПК РФ. Отказ в предоставлении такого свидания должен быть обоснован ссылками на конкретные обстоятельства, перечень которых должен быть закреплен в УПК РФ.

Абсолютно неэффективным является право обвиняемого (подозреваемого) на заявление отвода лицам, ведущим производство по делу. На наш взгляд, во многом это обусловлено содержанием основания для отвода, закрепленного в ч.2 ст. 61 УПК РФ. Давно назрела необходимость закрепления в УПК РФ такого основания для отвода как «необъективность» лица, ведущего производство по делу (такое основание содержится в ряде УПК стран СНГ). Необходимо расширить содержание иных оснований для отвода, что исключило бы ситуации аналогичные делу Магнитского С.Л., когда в расследовании принимали участие лица, которых сам обвиняемый уличал в совершении коррупционных преступлений.

3. Из исследованных материалов становится очевидной неэффективность института судебного обжалования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, что, на наш взгляд, обусловлено резким сужением сферы судебного контроля в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 10 февраля 2009 г. «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ».

Необходимо исключить все ограничения права на судебное обжалование бездействия, незаконных действий и решений лиц и органов, ведущих производство по делу.

4. Представляется необходимым поддержать все предложения по изменению законодательства и практики его применения, изложенные в отчете Общественной наблюдательной комиссии г. Москвы.

Представляется, что только комплексное совершенствование российского уголовно-процессуального законодательства позволит избежать в дальнейшем ситуаций, аналогичных возникшей в деле Магнитского С.Л.

Председатель Правления
РОО «Независимый экспертно-правовой совет»,
кандидат юридических наук

Полякова М.Ф.